
Р. М. ЗИГАНЬШИН

ИАКОВ ИЗ НАЗАРЕТА

Думаю, вряд ли найдется человек, который вспомнил бы об Акопе Погосовиче что-то отрицательное, нехорошее. Он всегда на моей памяти держался со всеми ровно, доброжелательно, я бы добавил также такое слово, как «основательно». Основательность его держалась, видимо, на сформировавшейся жизненной позиции, мировоззрении, образовании, богатом жизненном опыте. Когда я впервые увидел Акопа Погосовича, передо мной предстал человек с восточным типом лица, с характерной черной бородой, как будто сошедший со страниц библейских сюжетов и преданий (по крайней мере, так я себе представлял людей той далекой легендарной эпохи). Он напоминал мне персонажа – современника Иисуса Христа и других библейских пророков. Казалось, он и заговорит сейчас на том языке и от него снизойдут вечные евангельские истины. Да и фамилия его оказалась на удивление поистине библейской!

Но говорил он на русском языке, кстати, совсем без акцента, хотя его высказывания и рассуждения вполне могли бы конкурировать со словами упомянутых выше исторических персонажей в плане основательности, мудрости, мировоззрения, жизненной позиции и опыта. К сожалению, общался я с ним не очень много и помню его прежде всего по двум моментам: когда представлял свою статью «Военный этикет самураев» в журнал «Историческая психология и социология истории» и когда вместе с ним принимал вступительные экзамены по философии в аспирантуру Института востоковедения РАН. Первые рецензенты мою статью практически разгромили, до сих пор вспоминаю их тенденциозные оценки и замечания, во многом несправедливые. Японисты всегда ревностно и отрицательно относятся к тому, когда неяпонисты пишут что-то о Японии. Я смело об этом пишу, потому что обсуждал потом эти оценки с другими японистами и они были с ними не согласны. Акопу Погосовичу пришлось выступить арбитром, привлечь и других рецензентов, поскольку он также не был специалистом по Японии. Во многом именно благодаря ему статья и появилась в нашем журнале, причем именно в том виде, в каком она напечатана. Во

время приема вступительных экзаменов по философии он был главой комиссии, ему было важнее не количество знаний у сдающего экзамен, а его умение думать и рассуждать. Именно руководствуясь этим, он строил свои вопросы и беседы с ним. Здесь, так же как и в других случаях, проявлялись его доброжелательность и основательность.

Я с удивлением узнал про неожиданную кончину Акопа Поговоча и предшествующую этому тяжелую болезнь, поскольку держался он всегда стойко и никогда ни на что не жаловался. С его смертью мы потеряли замечательного человека и друга, которого всем нам будет очень не хватать!